

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД И ПРИНЦИП ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ В ТЕОРИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

М.Г. ЧЕСНОКОВА^а

^а *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

Резюме

В статье поднимается вопрос о применимости методологических принципов советской психологии для решения актуальных задач современной науки. Сложность вопроса усугубляется тем, что методологические принципы в отечественной психологии вообще мало отрефлексированы, допускают разное толкование, относятся к разным методологическим уровням, имеют разные сферы приложения. В данной статье представлен содержательный анализ одного из главных принципов отечественной психологии советского периода — принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Рассматриваются три основные трактовки метода восхождения от абстрактного к конкретному в психологии, предложенные Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. У Выготского акцент был сделан на аналитической составляющей метода и поиске «клеточки» психологии при сохранении «старого» эмпирического понимания общего («абстрактно-общего») как одинакового для всех. Восхождения к конкретному — объяснению многообразия явлений психического в их взаимосвязи — здесь не получилось. Рубинштейн прибегает к методу восхождения от абстрактного к конкретному и как психолог, и как философ. Он восстанавливает внутреннюю логику развития психических процессов и образований из исходного противоречия субъективного и объективного, заложенного в природе психического отражения, а затем переходит к объяснению структуры человеческого бытия и основных способов отношения человека к миру. Леонтьев по существу полностью «выводит» психику из деятельности, определяя ее как «функциональный орган» деятельности. Таким образом, формально один и тот же метод предстает у Выготского как аналитический, у Рубинштейна — как аналитико-синтетический, у Леонтьева — как метод «выведения». Вместе с тем опыт отечественных психологов демонстрирует большой методологический потенциал этого метода, в том числе для решения интегративных задач современной психологии.

Ключевые слова: диалектический метод, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, «клеточка», психическое, деятельность, онтология человеческого бытия.

Одним из актуальных вопросов современной психологической науки является вопрос о ее методологических принципах, а также об отношении к «старым» методологическим принципам советской психологии. А.В. Мазилов выделяет три *основные позиции* (Мазилов, 2007б):

1) *радикальную*, согласно которой старая методология не годится совершенно и нужно создавать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии;

2) *консервативную*, выступающую за сохранение традиционных методологических подходов;

3) *умеренную*, признающую необходимость формирования новой методологии при сохранении достижений и наработок предыдущего периода.

Принимая решение в пользу той или другой точки зрения, важно понимать, какие проблемы стоят перед современной психологией и перед какими «вызовами» мы сегодня находимся.

К актуальным проблемам психологии относят: интеграцию психологического знания, разработку концепции предмета психологии, включающую преодоление неоправданного его «сужения» (в результате которого психическое утратило характеристики духовного), прояснение категориального аппарата и системы методов психологии, формирование общей картины психического — важнейшая задача психологии, которая в свое время так и не была ею решена (Мазилев, 2007а). Целью данной статьи является рассмотрение содержания и методологических возможностей принципа восхождения от абстрактного к конкретному для решения названных задач.

Следует отметить, что в большинстве современных перечней методологических принципов психологии (см., например: Мишечкина, 2018) упоминание данного принципа отсутствует. Иногда говорят о диалектическом принципе, который относят к общенаучному уровню методологии. Содержание данного принципа, как правило, не объясняется. Между тем раскрытие *содержания* утверждаемого принципа составляет главное в нем. Как отмечал В.П. Зинченко, недостаток отечественной психологии состоит в том, что ее методологические принципы недостаточно отрефлексированы, «они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем» (Зинченко, 2003, с. 98). В предлагаемой статье мы стремились компенсировать этот недостаток и рассмотреть принцип восхождения от абстрактного к конкретному в психологии не как постулат, а как проблему, требующую специального анализа.

Постановка проблемы

Формулировка принципа восхождения от абстрактного к конкретному принадлежит, как известно, Г. Гегелю. Его открытие как принципа самого мышления явилось одним из главных достижений рационалистической философской мысли. С позиции материалистической диалектики разработка принципа восхождения от абстрактного к конкретному была представлена в «Капитале» К. Маркса. Однако понимание метода «Капитала» с самого начала вызвало определенные сложности. Маркс в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» писал: «Метод, примененный в “Капитале”, был плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 19). В середине XX в. Э.В. Ильенков предпринял специальное исследование «Диалектика абстрактного и конкретного в

научно-теоретическом мышлении» (1960), посвященное анализу марксова метода, где он был противопоставлен в первую очередь эмпирическому методу. Движение от абстрактного к конкретному было вскрыто Ильенковым как переход от характерных для индивидуального сознания *категорий рассудка*, опирающихся на эмпирическое ознакомление с объектом, к *категориям разума*, рассматривающим предмет со «всеобще-человеческой точки зрения» (Ильенков, 1997, с. 67). Внутренняя логика метода Маркса была понята им как движение не *по горизонтали* — в направлении поиска «абстрактно-общего» как одинакового для всех явлений данного рода, а *по спирали* — через реконструкцию истории становления «конкретно-общего» как «единства многообразного», данного в действительности. Анализируя понятие «клеточки» как всеобщей основы развития изучаемого явления, Ильенков подчеркивал *фактический*, а не абстрактный, умообразный характер феномена, выделяемого в качестве такой «клеточки». В этой фактичности он усматривал одно из принципиальных отличий трактовки метода восхождения от абстрактного к конкретному Гегелем и Марксом.

Однако за несколько лет до появления фундаментальной работы Ильенкова к особенностям понимания принципа восхождения от абстрактного к конкретному Гегелем и Марксом обращается С.Л. Рубинштейн. В книге «Бытие и сознание» (1957) он отмечает, что у Гегеля «сама идея превращается в субъекта, подставляется на его место... движение мысли сводится к движению продуктов мышления» (Рубинштейн, 1997, с. 33). Между тем «само отражение объективной реальности есть *процесс, деятельность субъекта*, в ходе которой образ предмета становится все более адекватным своему объекту (Там же, с. 28). Рубинштейн подчеркивает аналитико-синтетический характер научного мышления, ссылаясь при этом на метод «Капитала»: «Все построение “Капитала” осуществляется посредством такого синтеза, сочетающегося с анализом» (Там же, с. 82). Восхождение от абстрактного к конкретному возможно только на основе единства анализа и синтеза. «Особенно рельефно синтетический ход мысли, ведущий от фиксированных в понятиях абстракций к восстановлению явлений в их конкретности, выступает в третьем томе “Капитала”, который ставит себе задачей не только вскрыть внутреннюю основу капиталистического производства (анализ. — М.Ч.), но и показать, как она проявляется в конкретной действительности» (синтез. — М.Ч.) (Там же, с. 83).

Отечественная психология советского периода была ориентирована на диалектический материализм. При этом одни психологи говорили о необходимости распространения на психологию общих диалектических принципов, другие — о разработке собственного диалектического метода и очень немногие — о реализации принципа восхождения от абстрактного к конкретному. В современной психологии диалектика связывается и с принципом развития изучаемого явления, и с принципом монизма, и с идеей взаимосвязи и взаимообусловленности противоположностей (в частности, сознания и деятельности), и с принципом восхождения от абстрактного к конкретному. В этой связи представляет особый интерес рассмотрение исторического опыта осмысления диалектического метода и/или метода восхождения от абстрактного к конкретному

Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. Каждый из них предложил свое понимание этого метода и возможности его реализации в психологии.

«Диалектика психологии» Л.С. Выготского

Несмотря на то что Выготский был на семь лет младше С.Л. Рубинштейна, его взлет в психологии был столь стремителен, что его «лебединая песня» (намечавшая поворот от теории высших психических функций к новому этапу — «вершинной психологии» личности) отзвучала раньше, чем Рубинштейн как психолог достиг своей творческой зрелости. В своем главном методологическом труде «Исторический смысл психологического кризиса» (1926) Выготский заявлял, что психология должна создать свой «Капитал», свою «диалектику психологии». С этой задачей может справиться только общая психология, взяв на вооружение метод Маркса. Суть марксова метода он видел в том, чтобы найти такую «клеточку» изучаемого целого, которая содержала бы в себе все свойства этого целого (Выготский, 1982). Диалектический метод он понимал как преимущественно *аналитический*. Синтетическая сторона этого метода, связанная с реконструкцией и объяснением целого во всем его многообразии, не принималась им во внимание. В заключительной главе «Истории развития высших психических функций» Выготский пишет: «Наше исследование все время шло аналитическим путем... Но за анализом непременно должен следовать синтез» (Выготский, 1983, с. 314). От рассмотрения отдельных психических функций необходимо перейти к представлению картины *целостного культурного развития*, основное содержание которого может быть охарактеризовано как развитие личности и мировоззрения ребенка (Там же, с. 315). Отсюда следует, что во всяком случае в данный период анализ и синтез разделялись Выготским как два последовательных этапа научного исследования, а не рассматривались как единый аналитико-синтетический процесс. Заметим, что в соответствии с принятой Выготским трактовкой «клеточки» как содержащей в себе *все* свойства целого необходимость в синтезе этого целого по существу отпадала.

По мнению А.В. Мазилова, Выготский действительно пытался строить новую психологию на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному, однако эта программа не была им осуществлена. В «Истории развития высших психических функций» он якобы использует уже другой метод — не логический, а исторический (генетический). Это дало свои результаты и «принесло Выготскому и его ученикам заслуженную славу» (Мазилов, 2016). Оценка А.В. Мазилова строится на весьма распространенном, но в корне ошибочном отождествлении метода восхождения от абстрактного к конкретному с формально-логическими методами. При этом полностью теряется его диалектическая суть — реконструкция истории развития предмета. При правильном понимании диалектический метод является гораздо более историческим, чем какой-либо другой. На наш взгляд, в теории высших психических функций Выготский не только не отказывается от данного метода, но был убежден,

что этот метод позволит ему выйти на объяснение многообразия явлений психического: «Вместе с этим внесением исторической точки зрения в психологию выдвигается на первый план и специально психологическая трактовка изучаемых явлений...» (Выготский, 1931, с. 12). Не отказывается Выготский и от поиска «клеточки» психологии. Вслед за «речевым рефлексом», «речевой реакцией» и «инструментальным актом» в качестве главной «клеточки» психологии последовательно рассматриваются «значение», «смысл» и, наконец, «переживание». Однако, по мнению В.П. Зинченко, проблема «клеточки» так и не была им решена, поскольку ни одна из предложенных «клеточек» не удовлетворяла требованию всеобщей основы развития всего многообразия явлений психического, не несла в себе внутреннего «двигателя» ее трансформации в сознании (Зинченко, 1981).

Сложности, испытываемые Выготским в связи с нахождением «клеточки» психологии, были обусловлены, помимо объективных трудностей такого исследования, определенными противоречиями в его методологической позиции (Чеснокова, 2008). Намерение строить диалектическую психологию сочеталось у него с установками старой эмпирической традиции. Так, целый ряд высказываний Выготского свидетельствует о том, что ему не удалось до конца преодолеть классическое, эмпирическое (в терминологии Э.В. Ильенкова) понимание общего как «абстрактно-общего». Общая психология, пишет Выготский, «делает предметом своего изучения то общее, что присуще всем объектам данной науки» (Выготский, 1982, с. 298). «Анализ предполагает абстракцию от конкретных черт басни как таковой, как определенного жанра» (Там же, с. 405). Суть анализа состоит в том, чтобы «отделить в единичном его особенное от общего» (Там же, с. 403). Однако именно объяснение особенного, конкретного в «единстве многообразного» и составляет основную задачу диалектической логики. У Выготского же это конкретное игнорируется. Путь к объяснению конкретного оказывается по существу закрыт еще и потому, что в качестве объекта исследования Выготский берет *типичное явление* данного рода. Отсюда невозможно никакое восхождение к конкретному. Анализ Выготского опирается не на дедукцию («выведение» конкретных форм из своей всеобщей основы), а на индукцию, как и в эмпирическом обобщении: «Анализ не противоположен индукции, а родственен ей: он есть высшая ее форма, отрицающая ее сущность (многократность). Он опирается на индукцию и ведет ее» (Там же, с. 403).

По мнению С.Н. Мареева, Выготский выступал именно за реализацию метода восхождения от абстрактного к конкретному в психологии (Мареев, 2014). Доказательством этого он считает критику Выготским различных вариантов редукции конкретного к абстрактному, широко распространенных в психологической науке. Такие абстракции, как сексуальное влечение, рефлекс, гештальт, «персона», не позволяют вывести из них всего многообразия человеческих качеств. Поэтому они и не могут, по мнению Выготского, претендовать на роль «клеточки» психологии. С другой стороны, Мареев признает, что определение «конкретно-общего» у Выготского отсутствует: «У

Выготского еще нет понятия идеального. Оно еще только будет выработано Э.В. Ильенковым. И этого понятия явно не хватает Выготскому...» (Там же).

Г.Г. Кравцов утверждает, что метод Выготского, в особенности в той его части, которая связана с решением проблемы личности и ее свободы, ориентирован не столько на метод Маркса, сколько на методологию Спинозы (Кравцов, 2015). Переход Выготского от Маркса к Спинозе был не случайным. Поняв диалектический метод Маркса как метод аналитический, он вынужден был искать иные философские основания для перехода к намеченной им «синтетической» стадии исследования. И монизм Спинозы подходил для этого как нельзя больше. Этим объясняется, судя по всему, желание Выготского «оживить спинозизм в марксистской психологии» (Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 256). Последней «клеточкой», предложенной Выготским, стало *переживание* как единство среды и личности. Понятие переживания в определенном смысле заменяло Выготскому отсутствующую у него категорию идеального в качестве «конкретно-общего» психологии. В переживании, говорил Выготский, сознание представлено в его единстве без дифференциации на отдельные функции. Единицей сознания на этом этапе провозглашается *смысл* как отношение личности к общей социальной ситуации ее развития. В переживании ситуация схватывается целиком. Переживание отражает искомую целостность психики, хотя и не объясняет всего многообразия явлений психического.

Особенность метода Выготского Г.Г. Кравцов видит в том, что в нем разработка проблемы и метода идут совместно. «Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод в этих случаях является одновременно предпосылкой и продуктом, орудием и результатом исследования... Можно сказать, что вся “исследовательская кухня”, вместе с неизбежными ошибками и заблуждениями, отрицательными результатами и тупиковыми решениями, включена в текст работ Л.С. Выготского» (Кравцов, 2015).

Философские истоки психологической теории С.Л. Рубинштейна

Философские основания психологических взглядов С.Л. Рубинштейна определяют по-разному. Для одних он неокантианец, для других — ученый, шагнувший «далеко вперед навстречу советскому «неомарксизму» 1960–1970-х гг.» (Семенов, 2009, с. 67). Н.А. Дмитриева рассматривает Рубинштейна как вполне самобытного философа, опиравшегося на идеи Канта, философию Гегеля, марксизм и экзистенциализм как философские модели, анализ и полемика с которыми способствовали формированию его собственной философской антропологии (Дмитриева, 2016). И вот этот философски образованный психолог в «Бытии и сознании» прямо определяет свой метод как *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. При этом он отмечает, что этот метод отвечает внутренней логике самого процесса мышления: «Движение мысли, взятое в целом, представляет, таким образом, путь от непроанализированной конкретной действительности, данной в непосредственном чувственном созерцании, к раскрытию ее законов в понятиях отвлеченной

мысли и от них — к объяснению действительности, в условиях которой мы живем и действуем» (Рубинштейн, 1997, с. 73). «Абстрактное — это то, через что познание с необходимостью проходит; конкретное — это то, к чему познание, в конечном счете, идет» (Там же, с. 74). Учитывая приведенную ранее критику Гегеля, надо полагать, что Рубинштейн хорошо усвоил гегелевскую мысль о восхождении от абстрактного к конкретному как принцип самого мышления. Расхождения с Гегелем касаются понимания Рубинштейном мышления не как идеального, а как изначально практического процесса, являющегося неотъемлемой частью взаимодействия человека с миром. Материалистическая трактовка мышления с необходимостью выводит его на материалистическую же интерпретацию метода восхождения от абстрактного к конкретному, сближающую его с Марксом. В работе «Бытие и сознание» (1957) Рубинштейн апробирует метод восхождения от абстрактного к конкретному применительно к предмету психологии — исследованию природы психического. В последней итоговой монографии «Человек и мир» (вышедшей в 1973 г. посмертно) Рубинштейн, опираясь на глубокий философский анализ категорий *материи, субстанции, сущности и существования*, делает следующий шаг в направлении восхождения к конкретному. Он выходит за пределы проблемы сознания и психологии как таковой и предлагает свою концепцию онтологии человеческого бытия.

С.Л. Рубинштейн и Э.В. Ильенков

Несколько слов стоит сказать о связи Рубинштейна с «неомарксистами», в частности с Э.В. Ильенковым. По свидетельству В.В. Давыдова, Рубинштейн и Ильенков были знакомы лично, обсуждали сложные философско-психологические вопросы (Давыдов, 1994). О прямом влиянии Рубинштейна на Ильенкова говорить трудно. Однако известно, что в своей фундаментальной статье «Идеальное» Ильенков (1968) указывает в списке источников труды двух российских мыслителей — теоретика марксизма Г.В. Плеханова и «Бытие и сознание» Рубинштейна. Заметим также, что внимательное чтение текстов Рубинштейна свидетельствует об объективной близости общей логики его рассуждений и трактовок философских и психологических вопросов многим известным положениям «Диалектики абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» Э.В. Ильенкова. Вот тот круг идей, который полностью разделяли Рубинштейн и Ильенков.

1. Предмет проявляет свою природу *во взаимодействии* с другими предметами и явлениями действительности.

2. Задачей научного мышления является выявление сущности как *всеобщей основы развития изучаемого явления, многообразия его форм*.

3. Сущностное — это устойчивое, инвариантное (Рубинштейн) или атрибутивное (Ильенков) в данном предмете.

4. Открытие сущности происходит *через анализ в его единстве с синтезом* («анализ через синтез», по Рубинштейну).

5. Всеобщее есть одновременно *предпосылка* и *результат* развития предмета. В процессе этого развития причина и следствие меняются местами. Всеобщее — это то, что регулярно *воспроизводится*.

6. Понять сущность предмета — это значит понять природу того, *через что* преломляется причина (Ильенков). Любая причина действует опосредованно через внутренние условия (Рубинштейн).

7. Исходное внутреннее противоречие всеобщего составляет главный источник его развития. В ходе развития это *внутреннее противоречие трансформируется во внешнее противоречие* явлений действительности.

Однако главное сходство Рубинштейна и Ильенкова связано с их пониманием природы психического, мышления как *формы отражения одного предмета в другом*, как *идеального*.

Реализация принципа восхождения от абстрактного к конкретному в психологической теории С.Л. Рубинштейна

Перейдем к рассмотрению того, как принцип восхождения от абстрактного к конкретному был реализован Рубинштейном при объяснении многообразия психических явлений. Начнем с того, что объяснение психического в его конкретике опиралось у Рубинштейна на существенно иное, по сравнению с Выготским, понимание «клеточки» и того содержания, которое она несет или должна нести. Выготский искал «клеточку», которая включала бы в себя все свойства целого. По мнению Рубинштейна, в «клеточке» заложены не более чем «зачатки всех явлений психического в их единстве». «Клеточка», или «ячейка», психологии в нашем понимании не является чем-то неизменным, всегда себе равным. Она продукт развития, и на разных ступенях развития сама она изменяется, приобретает различное содержание и структуру... Различие психики на разных ступенях развития находит себе отражение и в различии соответствующей «клеточки» (Рубинштейн, 1946, с. 173). Что же в этом развитии является исходным? Что составляет сущность психического?

Сущность психического Рубинштейн видит в том, что она является *отражательной деятельностью мозга*. В силу этой отражательной функции каждый психический акт исходно несет в себе внутреннее противоречие. Он есть отражение действительности (объективное) в его значении для индивида (субъективное). Психическое есть единство *объективного* и *субъективного*. Объективный аспект психического дает начало развитию *познавательной деятельности* человека. «Познание есть в известном смысле непрерывный процесс размежевания субъективного и объективного, преодоления субъективного и выявления объективного» (Там же, с. 42). Субъективный аспект психического составляет основание развития *аффективно-мотивационной и волевой сферы*. При этом целостный акт отражения как таковой представляет собой *нефункциональную* (не дифференцированную на функции) единицу психического. Внутреннее противоречие субъективного и объективного, заложенное в природе психического отражения, трансформируется в ходе развития

психики в свою явленную противоположность аффекта и интеллекта, традиционно фиксируемую всей классической психологией, начиная с Аристотеля.

Психическое отражение действительности в его значении для индивида становится отправной точкой для развития сначала *сигнальной*, а затем *регуляторной* функции психики. Сигнальная функция опирается на отражение отдельных свойств предмета в форме ощущений, регуляторная — на обобщенный образ предмета как целокупности его свойств. Обобщение отдельных свойств в целостном образе предмета сопровождается одновременно выделением *условий*, в которых он дан. Это открывает возможность для выбора действия, отвечающего этим условиям, т.е. для *свободного действия*, направленного на предмет, а не просто рефлекторной реакции на него. Аффективно-мотивационный компонент психического выполняет внутри этого действия функцию *побуждения* к деятельности, познавательный компонент регулирует ее *исполнение*. Так, психическая деятельность, изначально относящаяся к природному миру (психика как функция мозга), в ходе своего развития начинает выражать через конкретные действия индивида его интересы и потребности, актуальные тенденции и отношение к миру. Психическая деятельность выступает в новом качестве как «*душевная деятельность*» (см. таблицу 1). Новому более высокому уровню развития психической деятельности соответствует и новый тип «клеточки». Применительно к человеку такой «клеточкой» является *действие* как единица его деятельности (Рубинштейн, 1946).

Обретение индивидом способности к свободно определяемому действию образует фундамент для формирования *личности как субъекта сознательной деятельности*. Генерализация мотивов деятельности в конкретных ситуациях ведет к возникновению *характера*, а генерализация познавательных процессов — к формированию *способностей*, образующих вместе психические свойства личности. Таким образом, Рубинштейн, осуществляя последовательное восхождение от простейшей недифференцированной формы психического отражения ко все более развитым его формам, реконструирует шаг за шагом внутреннюю логику возникновения его частных форм от образа предмета до личности и характера. Абстрактный взгляд на психику как совокупность отдельных явлений «снимается» им через раскрытие их взаимосвязи, через восстановление «конкретно-общего» психологии.

Продукты познавательной деятельности человека, объективируясь в слове, становятся объектами дальнейшей мыслительной работы. Так складывается система научного знания, превращающая «душевную деятельность» в деятельность *духовную*, связанную с освоением того или иного идейного содержания (см. таблицу 1). Идеальная сущность психики, связанная с гносеологическим отношением к объекту как ее «онтологической» характеристикой (Рубинштейн, 1997, с. 7), достигает своего высшего развития — идеального в собственном смысле слова.

Первичный акт человеческой деятельности носит *практический* характер, а его познавательная сторона проявляется в форме ощущения и чувственного восприятия. На более высоких ступенях все больший вес в практической деятельности приобретают интеллектуальные компоненты, что в конечном счете

ведет к выделению *теоретической деятельности* как идеальной деятельности человека. «Клеточкой» духовной деятельности выступает *внутреннее действие* (Рубинштейн, 1946).

Таблица 1

Уровни развития психической деятельности

Уровень развития психической деятельности	«Клеточка»
Психическая деятельность как отражательная функция мозга	Целостный акт психического отражения – нефункциональная единица психического
«Душевная деятельность»	Действие как единица деятельности
Духовная деятельность, или идеальное	Внутреннее действие

Отечественными философами (М.М. Розенталем, И.С. Нарским и др.) в свое время было введено различие двух методологических категорий: «категории-начала» и «категории-клеточки». Если применить это различие к взглядам Рубинштейна, то понимание психики как отражательной функции мозга может рассматриваться в его теории как «категория-начало», а практическое и внутреннее действия — в качестве «категории-клеточки».

Последовательное проведение метода восхождения от абстрактного к конкретному позволило Рубинштейну проследить возникновение противоположности материального и идеального, внешнего и внутреннего из исходного внутреннего противоречия субъективного и объективного, заложенного в природе психического. В перспективе это давало возможность «снять» в новом высшем синтезе сложившийся под влиянием эмпирической психологии разрыв между психологией и философией, между психологическим и философским исследованием человеческого бытия.

От психологии к онтологии человеческого бытия

Монография «Человек и мир» представляет собой пример исследования, в котором граница между психологией и философией является очень зыбкой. Часто эту последнюю книгу Рубинштейна связывают с выходом ее автора на новый мировоззренческий уровень — экзистенциальный, противопоставляя ее более ранним его работам. И действительно, в этой книге Рубинштейна очень сильно ощущается влияние М. Хайдеггера, проявившееся уже в самом выборе предмета анализа — онтологии человеческого бытия. Значительно усиливается и по существу выходит на передний план этическая проблематика. По стилю монография больше напоминает философское размышление, чем строго научное исследование. Все эти особенности были характерны для экзистенциальной философии, характеризующейся тесным переплетением жанров философии, науки и литературы, а также высоким этическим пафосом. В то же время выход к проблеме «человек и мир» был не просто новым творческим этапом для Рубинштейна, но являлся закономерным продолжением развития им метода восхождения от абстрактного к конкретному на следующем, более высоком уровне — онтологическом.

Апробированный в «Бытии и сознании» метод используется здесь для объяснения способа существования человека. Но если в «Бытии и сознании» Рубинштейн говорил преимущественно об одном главном способе — деятельностном, то в «Человеке и мире» он восстанавливает полную картину бытия человека, включая в нее все известные способы отношения человека к действительности.

Как и в предыдущем исследовании, Рубинштейн начинает с определения *всеобщей основы*, из которой он затем в соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному «выводит» все основные способы взаимоотношений человека с миром. В роли такой основы он выделяет два взаимосвязанных отношения: *человек и мир*, *человек и другой человек*. Внутри базового отношения человек — мир только и возможно возникновение *познавательного отношения* человека к действительности. «Самосознание существует лишь как процесс и результат *осознания мира* человеком» (курсив мой. — М.Ч.) (Рубинштейн, 1973, с. 255). Более того, само отношение человека к предмету является условием его раскрытия.

Бытие сущего, отмечает Рубинштейн, заключается в том, чтобы *являться и скрываться*. Явное постигается в *чувственном познании*, в созерцании. Скрытое — в *мышлении*. Созерцание, как восприятие того, что есть на самом деле, составляет основу, с одной стороны, *эстетического отношения* (к природе, произведениям искусства), с другой, *этического отношения* (отношения человека к другому человеку). Сущность этического заключена в признании и утверждении существования другого без попытки его изменить или подчинить себе (в рассмотрении его как *цели*, а не средства). Мышление, обеспечивающее максимально объективное познание действительности (вскрывающее не только явное, но и скрытое), составляет почву для формирования *сознательного отношения и деятельности человека* как деятельности, адекватной природе объекта. Подлинно этическое отношение к человеку возможно только на базе сознательного отношения к действительности. Этическое отношение зарождается в созерцании, но реализуется на основе объективного знания и сознательной регуляции. «Клеточкой» этического отношения является *поступок*.

Согласно Рубинштейну, этика, этическое отношение человека к человеку с необходимостью входят в состав онтологии человеческого бытия. «Основная этическая задача выступает прежде всего как онтологическая задача». Ее суть — это «борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия» (Там же, с. 349). Так в монографии «Человек и мир» концепция психического Рубинштейна закономерно перерастает в целостную философскую антропологию (Гладнева, 2010).

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному в теории деятельности А.Н. Леонтьева

В теории деятельности А.Н. Леонтьева постулируется приверженность марксистской методологии, однако сколько-нибудь подробные рассуждения о методе у него отсутствуют. Вместе с тем, по мнению исследователей, метод

восхождения от абстрактного к конкретному имплицитно у Леонтьева присутствует и составляет основу методологии построения его общепсихологической теории (Соколова, 2007).

За отправную точку своего исследования Леонтьев берет положение К. Маркса о материальной, практической деятельности людей как основании возникновения единой саморазвивающейся системы, включающей в себя познавательные процессы, сознание, культурную и идеологическую надстройку. Деятельность, понимаемая как «единица жизни телесного, материального субъекта» (Леонтьев, 2004, с. 65), выступает у Леонтьева *всеобщей основой* развития психики, сознания и личности человека. Психика зарождается в деятельности, опосредует деятельность, ее развитие обусловлено общим движением деятельности. Отношения психики и деятельности — это функциональные отношения. Психика есть «функциональный орган деятельности». Однако в ходе развития причина и следствие меняются местами. Возникая в деятельности, психика, сознание (в форме сознательно поставленной цели) начинает определять деятельность человека.

В логике этих идей П.Я. Гальперин предложил свое определение психики как *ориентировочной основы деятельности*. В результате такого понимания содержание категории психического оказалось существенно сужено по сравнению с рубинштейновской трактовкой сущности психики как формы отражения. Согласно Рубинштейну, сама деятельность становится возможна только на основе психического отражения, которое ее регулирует. По Леонтьеву, деятельность первична по отношению к психике и изначально регулируется непосредственным столкновением с предметной действительностью. Сведение психики к ее ориентировочной функции Гальпериным не совпадало с точкой зрения Рубинштейна, говорившего об *исполнительской функции* познавательных процессов внутри деятельности.

Осуществляя восхождение к конкретному, Леонтьев пытается вывести все основные психические процессы из деятельности как самого процесса жизни. Так, восприятие предстает у него как «перцептивное действие», мотив — как предмет потребности, эмоции — как отношение мотива к результату деятельности, смысл — как отношение мотива к цели, личность — как «иерархия деятельностей». Между тем рассмотрение деятельности в качестве всеобщей основы развития всего многообразия явлений психического (или «категории-начала») методологически уязвимо, прежде всего, потому что психика и деятельность остаются у Леонтьева двумя разнородными реальностями, причем одна «выводится» из другой, а не из своей собственной всеобщей основы. В этом пункте позиция Леонтьева входит в принципиальное противоречие со взглядами его идейного соратника Э.В. Ильенкова и его трактовкой принципа восхождения от абстрактного к конкретному. По мнению А.В. Сурмавы, то, что разделяет этих двух идейно близких мыслителей, — это «их понимание центральной категории диалектической психологии — категории предметной деятельности» (Сурмава, 2009). Ильенков, следуя монизму Спинозы, рассматривает чувственно-практическую деятельность как адекватную своему предмету разворачивающуюся в пространстве активность «мыслящего тела».

Предметное действие, по Ильенкову, — это «умное действие». Согласно Леонтьеву, психическое отражение возникает на определенном этапе развития предметной деятельности. «Получается, что *до* жизни отражения не было, затем в мертвом механическом мире от божественного перста зародилась жизнь, и вот от жизни, как от адамова ребра, однажды зародилось это психическое отражение» (Там же). С.Н. Мареев также считает, что Леонтьеву не удалось в полной мере осуществить восхождение к конкретному: «У последнего “*деятельность*” это только название для совокупности различных “*деятельностей*”. Он опять-таки не доходит до *конкретно*-всеобщего понятия деятельности — до *труда*» (Мареев, 2014). Заметим также, что принцип деятельностной детерминации, вполне адекватный при анализе человеческого уровня бытия, на более ранних стадиях эволюции сам нуждается в объяснении. В этом смысле концепция С.Л. Рубинштейна может рассматриваться как более точный вариант диалектико-материалистического прочтения принципа восхождения от абстрактного к конкретному в отечественной психологии, а также наиболее согласующийся с тем его пониманием, которое было представлено в ставшей уже классической работе Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении».

В таблице 2 представлен сравнительный анализ методов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

Таблица 2

**Сравнительный анализ методов в теориях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна
и А.Н. Леонтьева**

	Характеристика метода	Требование к «клеточке»	«Категория-начало»	«Категория-клеточка»
Л.С. Выготский	Объективно-аналитический (1), синтетический (2)	Должна содержать все свойства целого	—	Основные: значение, смысл, переживание
С.Л. Рубинштейн	Метод восхождения от абстрактного к конкретному	Должна содержать зачатки целого, развивается, зависит от уровня развития психической деятельности	Акт психического отражения	Действие, внутреннее действие, поступок
А.Н. Леонтьев	Дедуктивный («выведения»)	—	Деятельность	Действие, поступок

Заключение

Проведенный анализ трех фундаментальных общепсихологических теорий отечественной психологии позволяет утверждать, что сознательно, последовательно и продуктивно принцип восхождения от абстрактного к конкретному был применен только в философско-психологической концепции

С.Л. Рубинштейна. И именно этот принцип позволил Рубинштейну в полной мере реализовать диалектический подход в психологии: реконструировать историю развития психического во всем многообразии его проявлений, объяснить происхождение основных противоположностей (аффекта и интеллекта, сознания и деятельности, психического и физиологического, материального и духовного), восстановить единство психики, выйти к решению вопроса о месте психического и человека как носителя сознания в общей структуре бытия.

В теориях Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева мы видим попытку разработки диалектического метода исследования без опоры на принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Метод Выготского по существу состоит из двух этапов: анализа (авторское воплощение в психологии метода Маркса) и синтеза (на основе монистической линии Спинозы). Леонтьев реализует дедуктивный метод исследования, или метод «выведения». Однако сознание, разъятое анализом, плохо поддается синтезу. А дедукция очень напоминает редукцию. В обоих случаях единства и внутренней взаимосвязи явлений психического восстановить не удастся. Соответственно, основная задача общепсихологического исследования ими не решена. А преодоление неоправданного «сужения» предмета психологии и формирование общей картины психического продолжают оставаться актуальной задачей психологии.

Таким образом, мы полагаем, что принцип восхождения от абстрактного к конкретному составляет неотъемлемую часть диалектического метода в философии и в психологии. Без него диалектика всегда будет неполной. В науке постоянно появляются и будут появляться новые факты и закономерности. Поэтому на каждом новом этапе общая картина психического требует своего уточнения. И принцип восхождения от абстрактного к конкретному является, на наш взгляд, тем методологическим средством, которое позволяет осуществить подобную интеграцию.

Литература

- Выготский, Л. С. (1931). Предисловие. В кн. А. Н. Леонтьев, *Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций* (с. 5–13). М.; Л.: Учпедгиз.
- Выготский, Л. С. (1982). Исторический смысл психологического кризиса. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 1, с. 292–436). М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1983). История развития высших психических функций. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 3, с. 6–328). М.: Педагогика.
- Гладнева, Е. В. (2010). С.Л. Рубинштейн: от деятельностной концепции человека к целостной философской антропологии. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 2(2), 35–44.
- Давыдов, В. В. (1994). Вклад Э.В. Ильенкова в теоретическую психологию. *Вопросы психологии*, 1, 131–136.
- Дмитриева, Н. А. (2016). С.Л. Рубинштейн как читатель «Феноменологии духа» Гегеля. *Проблемы современного образования*, 4, 9–19.

- Завершнева, Е. Ю., ван дер Веер, Р. (ред.). (2017). *Записные книжки Л.С. Выготского*. М.: Канон+.
- Зинченко, В. П. (1981). Идеи Л.С. Выготского о единицах анализа психики. *Психологический журнал*, 2, 118–133.
- Зинченко, В. П. (2003). Преходящие и вечные проблемы психологии. В кн. *Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии* (с. 98–134). Ярославль: МАПН.
- Ильенков, Э. В. (1968). Идеальное. В кн. *Философская энциклопедия* (т. 2, с. 219–227). М.: Советская энциклопедия.
- Ильенков, Э. В. (1997). *Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении*. М.: РОССПЭН.
- Кравцов, Г. Г. (2015). Метод Л.С. Выготского. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2(145), 33–45.
- Леонтьев, А. Н. (2004). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Смысл; Издательский центр «Академия».
- Мазилов, А. В. (2007а). *Методология психологии: учебное пособие*. Ярославль: МАПН.
- Мазилов, А. В. (2007б). Методология психологической науки: проблемы и перспективы. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 4(2), 3–21.
- Мазилов, А. В. (2016). Л.С. Выготский и методология психологии. *Ярославский педагогический вестник*, 5, 170–176.
- Мареев, С. Н. (2014). Л.С. Выготский о методе в психологии. *Вестник Казахстанско-Американского свободного университета*, 5, 34–44.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Собрание сочинений* (2-е изд., т. 23). М.: Политиздат.
- Мишечкина, Н. А. (2018). Обзор методологических принципов психологии. *Молодой ученый*, 19(205), 375–377.
- Рубинштейн, С. Л. (1946). *Основы общей психологии* (2-е изд.). М.: Учпедгиз.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика.
- Рубинштейн, С. Л. (1997). *Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии*. М.: Наука.
- Семенов, И. Н. (2009). С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 6(3), 63–89.
- Соколова, Е. Е. (2007). К проблеме методологии построения общепсихологической теории в школе А.Н. Леонтьева. *Методология и история психологии*, 2(4), 163–178.
- Сурмава, А. В. (2009). Ильенков и революция в психологии. *Логос*, 1(69), 112–132.
- Чеснокова, М. Г. (2008). Проблема общего и индивидуального в творчестве Л.С. Выготского: между эмпиризмом и диалектикой. *Культурно-историческая психология*, 2, 39–49.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Чеснокова Милена Григорьевна — старший научный сотрудник, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: история и методология психологии, отечественная и экзистенциальная психология, психология индивидуальности, психология жизненных миров.

Контакты: milen-ches@bk.ru

The Dialectical Method and the Principle of Ascent from the Abstract to the Concrete in the Theories of Russian Psychology

M.G. Chesnokova^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

The article raises the question of the applicability of the methodological principles of Soviet psychology to solve the actual issues of current science. The complexity of the issue is amplified by the fact that the methodological principles in the Russian psychology are generally poorly reflected, allow for different interpretations, relate to different methodological levels, and have different areas of application. This article presents a content analysis of one of the main principles of the Russian psychology of the Soviet period — the principle of ascent from the abstract to the concrete. Three main interpretations of the method of ascent from the abstract to the concrete in psychology, proposed by L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein and A.N. Leontiev are considered. Vygotsky's emphasis was on the analytical component of the method and the search for a "cell" of psychology while preserving the "old" empirical understanding of the general ("the abstract-general") as the same for everyone. The ascent to the concrete — the explanation of the diversity of mental phenomena in their interrelation — did not work here. Rubinstein uses the method of ascent from the abstract to the concrete twice: as a psychologist and as a philosopher. He reconstructs the internal logic of the development of mental processes and formations from the original contradiction of the subjective and the objective, inherent in the nature of mental reflection, and then begins to explain the structure of human existence and the main ways of human relations to the world. Leontiev essentially completely "derives" the psyche from activity, defining it as a "functional organ" of activity. Thus, formally, the same method appears in Vygotsky as analytical, in Rubinstein — as analytical-synthetic, in Leontiev — as a method of "deduction". At the same time, the experience of Russian psychologists demonstrates the great methodological potential of this method, including for solving integrative problems of modern psychology.

Keywords: dialectical method, the principle of ascent from the abstract to the concrete, "cell", the mental, activity, ontology of human existence.

References

- Chesnokova, M. G. (2008). The problem of the general and the individual in L.S. Vygotsky's work: Between empiricism and dialectics. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 4(2), 39–49. (in Russian)
- Davydov, V. V. (1994). Vklad E. V. Il'enkova v teoreticheskuyu psikhologiyu [Contribution of E.V. Ilienkov in theoretical psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 1, 131–136.
- Dmitrieva, N. A. (2016). Sergey Rubinstein as reader of Hegel's "Phenomenology of spirit". *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*, 4, 9–19. (in Russian)

- Gladneva, E. V. (2010). S.L. Rubinstein: from the activity based on the concept of human to the coherent philosophical anthropology. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*, 2(2), 35–44. (in Russian)
- Ilyenkov, E. V. (1968). Ideal'noe [The ideal]. In *Filosofskaya entsiklopediya* [The philosophical encyclopedia] (Vol. 2, pp. 219–227). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- Ilyenkov, E. V. (1997). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [The dialectics of the abstract and the concrete in scientific theoretical thinking]. Moscow: ROSSPEN.
- Kravtsov, G. G. (2015). L.S. Vygotsky's method. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*, 2(145), 33–45. (in Russian)
- Leontiev, A. N. (2004). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Izdatel'skii tsentr "Akademiya".
- Mareev, S. N. (2014). L.S. Vygotskii o metode v psikhologii [L.S. Vygotsky on the method in psychology]. *Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo Svobodnogo Universiteta*, 5, 34–44.
- Marx, K., & Engels, F. (1960). *Sobranie sochinenii* [Collected works] (2nd ed., Vol. 23). Moscow: Politizdat.
- Mazilov, A. V. (2007a). *Metodologiya psikhologii* [Methodology of psychology]. Yaroslavl': MAPN.
- Mazilov, A. V. (2007b). Philosophy of psychological science: Problems and perspectives. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 4(2), 3–21. (in Russian)
- Mazilov, A. V. (2016). L.S. Vygotsky and psychology methodology. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 5, 170–176. (in Russian)
- Mishechkina, N. A. (2018). Obzor metodologicheskikh printsipov psikhologii [The review of the methodological principles in psychology]. *Molodoi Uchenyi*, 19(205), 375–377.
- Rubinstein, S. L. (1946). *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology] (2nd ed.). Moscow: Uchpedgiz.
- Rubinstein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Rubinstein, S. L. (1997). *Izbrannye filosofsko-psikhologicheskie trudy. Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected philosophical and psychological works. Fundamentals of ontology, logic and psychology]. Moscow: Nauka.
- Semenov, I. N. (2009). S.L. Rubinstein known and unknown: Historical and cultural reflection on life and work. *The Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 6(3), 63–89. (in Russian)
- Sokolova, E. E. (2007). K probleme metodologii postroeniya obshchepsikhologicheskoi teorii v shkole A.N. Leontieva [On the issue of methodology of building a general psychological theory in the school of A.N. Leontiev]. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii [Methodology and History of Psychology]*, 2(4), 163–178.
- Surmava, A. V. (2009). Ilyenkov i revolyutsiya v psikhologii [Ilyenkov and revolution in psychology]. *Logos*, 1(69), 112–132.
- Vygotskii, L. S. (1931). Predislovie [Preface]. In A. N. Leontiev, *Razvitie pamyati: Eksperimental'noe issledovanie vysshikh psikhologicheskikh funktsii* [The development of memory: Experimental study of the higher psychological functions] (pp. 5–13). Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.
- Vygotskii, L. S. (1982). Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. In L. S. Vygotskii, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 1, pp. 292–436). Moscow: Pedagogika.

- Vygotskii, L. S. (1983). Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of development of the higher psychic functions]. In L. S. Vygotskii, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 3, pp. 6–328). Moscow: Pedagogika.
- Zavershneva, E. Yu., & van der Veer, R. (Eds.). (2017). *Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo* [L.S. Vygotsky's notebooks]. Moscow: Kanon+.
- Zinchenko, V. P. (1981). Idei L.S. Vygotskogo o edinitakh analiza psikhiki [L.S. Vygotsky's ideas on the units of analysis of the mind]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2, 118–133.
- Zinchenko, V. P. (2003). Prekhodyashchie i vechnye problemy psikhologii [Transient and eternal problems of psychology]. In *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminara: Metodologiya psikhologii* [The proceedings of the Yaroslavl methodological seminar: Methodology of psychology] (pp. 98–134). Yaroslavl: MAPN.

Milena G. Chesnokova — Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: history and methodology of psychology, Russian and existential psychology, psychology of individuality, psychology of life worlds.

E-mail: milen-ches@bk.ru